

Читатели давно уже обратили внимание на то, что я довольно часто критикую российскую науку, утверждая, что ее практически не существует. Обычно я имею в виду общественные науки, хотя мог бы подтвердить это результатами и некоторых естественных наук, например в области космогонии, биологии и психологии. Тем не менее в данной статье я хотел бы сконцентрироваться именно на обществоведении.

Некоторые читатели обвиняют меня в том, что я критикую общественную науку вообще, не приводя доказательств или конкретных имен ученых. Дескать, как же так, столько книг выпускается, столько имен озвучивается, а науки нет?! Десятки академиков и членкоров, тысячи докторов, десятки тысяч кандидатов варятся в научном котле России, а науки нет? Если так, то как же тогда отличить ученого от не ученого?

Вообще-то подобные вопросы правомерны, тем более, что подчас действительно ученого от не ученого не могут отличить и сами ученые. Неслучайно некоторые из них, пишущие о науке и ученых, оговаривают, что они понимают под этими словами. Как говорится, есть проблема. В данной статье я предлагаю свое решение. Но прежде хочу сказать следующее.

Во-первых, мне уже неоднократно приходилось высказывать свое суждение о том, кого считать ученым, кого нет. Возможно, читатели не обратили внимания на эти суждения из-за того, что они были разбросаны в ряде работ (например, в книгах «Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. Россия: ни шагу вперед», «Диалектика силы: онтобия»), непосредственно к теме науковедения не имеющих отношения.

Во-вторых, в качестве конкретных лиц как не ученых я регулярно называю академиков Е. Примакова и М. Титаренко, а также целую плеяду «ученых», русских и не русских, которые пишут по международным отношениям и проблемам внешней политики (см.: «XXI век: мир без России»). Правда, этих ученых я критиковал и критикую опять же не с позиции науковедения, а с позиции их концепций, которые формулируются ими не на основе науки, а под влиянием идеологии или еслибизма.

В данной же статье я намерен на конкретном примере-имени показать разницу между наукой и псевдонаукой. Но прежде несколько общих положений, или признаков, которые дают возможность сразу же выявить лженауку в российском варианте.

Первым признаком лжеученого является злоупотребление иностранными словами. Помимо того, что автор ненавидит свой родной язык, это означает, что все свои идеи, мысли и суждения он списал из работ зарубежных ученых. В чем здесь проблема? Проблема в том, что, когда русский исследователь попадает в сети, скажем, английского языка, он одновременно попадает в круг тех явлений, которые этим языком описываются, но которых может не быть в российской действительности. Но через иностранные слова он неосознанно переносит западные явления на российскую почву, тем самым искажая реальную российскую действительность.

Например, слово «truth», которое на русский язык в первом значении переводится как «правда», для американца или англичанина в первую очередь означает «истина», в то время как для русского «правда» - это не обязательно истина. В русскую «правду» заложен еще некий этический смысл. Еще большие расхождения - в восприятии слов «совесть» и «демократия». Так, у Запада совершенно иное представление о демократии, чем у русских, поэтому ссылаться на западных ученых, доказывая необходимость демократии в России, точно такая же ошибка, как и уверять американцев, что «истина» должна обладать еще и моральными качествами. И так с множеством слов.

Мне сразу же могут возразить, что, дескать, у каждой науки есть свой особый язык, особая терминология, и она универсальная, международная. И это действительно так, когда речь идет о специфических терминах типа «кварки» в физике или «квейлы» в психологии. Но я веду речь не о специальных терминах, а о словесных звеньях, которые или легко переводимы на родные языки, или просто не нужны в родном языке, поскольку отсутствуют явления, отраженные в некоем слове. Как канадцу, для меня, например, естественны слова *discourse* или *pattern* в разговоре на общественные темы. Но как русскому мне непонятно, зачем эти же слова нужны в русской речи или письменном тексте, когда в русском языке есть адекватные термины для обозначения первого слова: лекция, трактат, суждение и даже разговор, для второго - образец, схема, пример. И

таких ненужных «словей» в общественной литературе пруд пруди. Вот, для примера, выдержка из научного доклада (14 июня 2006 г.) некоего «ученого»: «Происходившее с конца 1990-х годов повышение ценности государства как теоретического норматива, как идеи, не привело к **валоризации актуального российского государства... надрыв витальной силы русского народа**, что на массовом уровне смутно ощущается (не рационализируется) как **потеря исторического форта**» (жирным шрифтом слова выделены мной. – О.А). Ну, какое надо иметь сознание, чтобы выдать такой словесный бред? Обратите внимание! Как только автор использовал слово «валоризация», он поневоле принял идущий за ним контекст идеи, которая сопровождала слово «валоризация». Потому что идею «актуального... государства» нельзя передать в русском языке в приведенном варианте из-за отсутствия самого явления. Такое выражение могло отражать только некое западное явление, которое автор, не задумываясь, перенес на российскую действительность.

Встреча с двумя-тремя подобными словами достаточна для того, чтобы прекратить чтение. Заранее ясно – автор с зашоренными мозгами, неспособный сказать что-то новое.

К сожалению, следуют подчеркнуть, что процесс загубления русского языка охватил не только науку, но и все российское общество, особенно его так называемую элиту.

Второй признак лжеученого - его идеологизированность на почве антисоветизма и антикоммунизма. В работах такого мудреца непременно будет присутствовать в лучшем случае искажение, а в худшем – просто сознательное вранье о классиках марксизма-ленинизма и их последователях. В речах и писаниях этих горе-мудрецов всегда есть эдакая покровительственная нотка в адрес Маркса, Энгельса или Ленина. Этот тон особенно распространен среди нынешних российских научных «корифеев» капиталистической ориентации. Дескать, да, что-то там они написали, для своего времени вроде бы и совсем неплохо, но работы их не выдержали испытания временем, то они не учили, а в этом вопросе совсем заблудились. В общем, – наивные ученые, занимавшиеся утопиями, – что с них взять?

В более ожесточенном варианте представлен и «взгляд» на СССР. Затасканной подтасовкой является перенос негативных сторон сталинского периода на весь период истории Советского Союза. Причем, если западные антикоммунисты действительно мало знали и знают о советской реальности, то одна разновидность нынешних российских антикоммунистов распространяет ложь сознательно, другая – из-за полного отсутствия способности размышлять. Как только встречается какая-нибудь антикоммунистическая фраза, сразу же становится ясно, что работа не имеет отношения к науке. Задача науки – докопаться до истины, вскрыть законы природы и общественного развития. Суть антикоммунистической «науки» – попытка доказать ложность коммунистических идей и «истинность» идей буржуазных. Работы подобного типа науку фактически подменили антикоммунистической пропагандой. Среди откровенных антикоммунистов нет ни одного ученого в области общественных наук.

Третьим признаком лжеученого является неумение владеть понятийно-категориальным аппаратом. Они в большинстве своем вообще не обращают внимание на этот аппарат. Все их работы сотканы из мнений, суждений и частных случаев обо всем. Авторы таких работ, зацикленные на какой-либо идее, даже не понимают значений тех слов, которые они употребляют. Например, говорят об Азиатско-тихоокеанском регионе, а на самом деле речь идет о Восточной Азии; говорят о глобализации, на самом же деле речь идет об интернационализации; пишут о «центре силы», хотя речь идет об «экономическом полюсе». На первый взгляд, вроде бы ничего особенного, мало ли кто что понимает под тем или иным словом. Но на основе непонятых слов формулируются доктрины, которые не могут быть реализованы в принципе, поскольку они описаны размытыми терминами, за которыми не стоят реалии. Например, Россия была постоянно вовлечена в балканские дела. Чего ради? Отвечают: там существуют национальные интересы России. В чем они выражаются? А вот на этот вопрос никто не ответит, потому что сам термин «национальные интересы» научно не сформулирован. Это же касается и термина «национальная безопасность».

Но есть некоторые ученые, которые вроде бы понимают важность определения терминов, но не понимают, к какому классу эти термины относятся: к понятиям или категориям. Если исследователь четко не осознает разницы между ними и их взаимобратимость, значит, он не понимает, какую сферу природы или

общественной жизни отражают эти понятия и категории. Кроме того, он не понимает диалектики взаимопереходов понятий и категорий. Такой ученый не понимает движения явлений, каждый этап которого может вскрываться и, соответственно, обозначаться определенным понятием или категорией. Нельзя просто превратить какое-то слово или термин в понятие. Определение термина еще не есть понятие. Это всего лишь понимание или интерпретация автором содержания того или иного слова/термина. На этом этапе еще нет науки. Она начинается только тогда, когда автор представляет и описывает целый процесс, объективную реальность через цепочку понятий и категорий, их развитие, переход от одного к другому. В этом суть гегелевской диалектики, которая была взята на вооружение марксизмом. У марксистов понятия живут, развиваются. У буржуазных ученых они мертвы, статичны. С помощью мертвых понятий и категорий нельзя постичь научную истину. К чему, правда, буржуазная общественная наука на данном этапе и не стремится.

В любом случае признаком научного размышления является хотя бы обращение к понятиям и категориям.

В этом месте мне было бы уместно продолжить объяснение, что такое настоящая наука и кто такой настоящий ученый. Но, поскольку эта тема требует более подробного изложения, я ее оставляю на «потом». Однако, для того чтобы читатель сам поразмышлял на эту тему, приведу один пример не из научной сферы. В России есть некий безголосый певец по фамилии Николаев. Вообще-то таких много. Но я беру его в качестве примера. Так вот его представляют: «Певец и композитор» Николаев. Я знаю композитора Чайковского. Два композитора: Николаев и Чайковский. Разница между ними, как между небом и землей. Так вот: если я Николаева буду рассматривать как композитора, тогда для Чайковского я должен придумать какое-то другое название-определение. Думаю, что, скорее всего, Чайковский, Вагнер, Шостакович и другие аналогичные фигуры являются композиторами, а Николаев и аналогичные ему – это просто работники музыкального жанра. Так же легко распознать ученых и научных работников. Но поскольку обыкновенный человек привык доверять титулам и званиям, как признакам учености, то приходится постоянно напоминать и разъяснять, что не в них дело. Особенно в современной России, когда все это покупается.

А теперь продемонстрирую, как «работают» описанные выше признаки лжеученого, на конкретном примере. Так сказать, «перехожу на личности», чтобы не остаться в облаках абстракций. В таком качестве я беру доктора политических наук С. Чугрова (профессор МГИМО), точнее, его статью под названием «Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения», опубликованную в журнале «Полис» (№ 4, 2007).

Как уже говорилось, первым признаком не ученого является захламление работы иностранными словами. Этот признак проявляется у Чугрова в полной мере. Вот одна из его фраз: «В этом случае, как правило, деструкции ценностно-смыслового ядра менталитета не наблюдается, равно как и цепной реакции в виде *аномии, ценностно-нормативного вакуума, разрыва в преемственности социальных и культурных норм и роста ретритизма* (курсив мой. – О.А.)» (с. 58). О «менталитете» пойдет речь ниже. Спрашивается, зачем русский ученый употребляет английские слова «деструкция», «аномия», «ретритизм», когда в русском языке есть адекватные по содержанию слова: соответственно, «разрушение», «разложение», «отказ, отступление, уход на покой»? Существует немало русских слов, чтобы передать простую идею о том, что «разрушение определенной психологической структуры мозга не сопровождаются негативными процессами в виде того-то или того-то». Но этот автор не может выразить свою мысль нормально по-русски по той причине, что он находится в капкане некоего английского текста, составленного из слов, хорошо описывающих «ту реальность», и совершенно не подходящего под «нашу» реальность. Отсюда неоправданный англоязык. Его текст состоит из множества таких мудреностей, демонстрирующих «ученость» сего мужа. Вот еще некоторые из них: «амбивалентные тенденции» (двойственные тенденции), «компаративный анализ» (сравнительный анализ), «каузальная зависимость» (причинная зависимость), «экспликательные приемы» (разъяснительные приемы), «экзогенный фактор» (внешний фактор), «существенная ригидность» (существенная устойчивость, или консерватизм), «элементы игризаационных практик» (думаю, что Чугров и сам не знает, что это такое), «девиантные формы» (формы, отклоняющиеся от нормы, или неправильные формы), «конативный аспект» (волевой аспект), «индивид изоморфического типа» (сами догадайтесь), «экономические экспекции» (видимо, экономические ожидания), «аттитюды» (социальные установки). Ну не маразм? Чугров, правда, в скобках пояснил последний термин: «норма отношения к нормам» - просто бред какой-то! Про

«концепты», «тезаурусы», «дискурсы», «континуальности» и «паттерны» я уж не говорю. Без них не обходится ни одна бредятинка на философско-социологические темы.

Следует еще раз подчеркнуть. Приведенные слова – не просто мусор. Это признак человека, неспособного к самостоятельному размышлению. Его «мысли» уже заранее определены набором слов, соответствующих другой реальности, но не той, в которой живет автор. Он пытается размышлять о ней на основе «иностранной» конструкции, которая может и подойти (бывали и такие случаи), а может и не подойти к российской действительности.

Я, естественно, не хочу быть понятым таким образом, что вообще против использования иностранных слов в родном языке. Некоторые утвердились (парадигма, актор, стратагема), некоторые используются в качестве шутки или критики. Использовать можно, а иногда и нужно, особенно, когда ты пытаешься вскрыть новое явление, еще не имеющее названия. Мне, например, понадобилось немало труда, чтобы придумать название явлению – «онтологическая сила» (онтóбия), чтобы отделить его от других видов сил. Но для этого я не стал обращаться к английскому или другому европейскому языку, а искал изначальный корень, смысл слова, описывающего явление, у языков-прародителей - греческого и латыни. По крайней мере это служит косвенным намеком на то, что мои идеи не «списаны» с работ неких ученых.

Я выступаю против такого использования иностранных слов, когда вполне достаточно русских, чтобы выразить свои суждения. Обычно статьи с «забугорной» терминологией я прекращаю читать, как только дохожу до какого-нибудь «дискурса», «мондиальности» или «витальности». Потому что, исходя из большой практики, знаю, что автор ничего путного уже не скажет. В лучшем случае перескажет работы какого-нибудь ученого США или Западной Европы, зачастую не сославшись на источник.

Второй момент – идеология антисоветизма и антикоммунизма. Конечно же, господин Чугров не упустил случая лягнуть и Маркса, и Советский Союз. Маркса, правда, он лягает хитровато. Он ставит его в ряд ученых в такой последовательности: Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер. То есть Чугров уравнивал его с учеными, которые по вкладу в науку и в мировую историю на порядки

уступали титану Марксу. Ныне это обычная манера российских буржуазных ученых – постоянно принижать значимость Маркса. Причем потребности такой именно в данной статье не было, поскольку Маркс не написал ни одной строчки про «менталитет», чему посвящена статья Чугрова.

Как и полагается, Чугров, исходя из собственного «менталитета», уравнивал «сталинизм и фашизм», которые, по мнению этого мудреца, «выразились в массовом проявлении деструктивности (он хотел сказать “разрушения”»». Оказалось, что это и не плохо, поскольку они «вызвали к жизни новое направление исследований ментальности». Зашорившись на «деструктивности» сталинизма, Чугров почему-то не вспомнил, что именно при Сталине было создано мощное социалистическое государство, плодами которого до сих пользуется современная «демократическая» Россия.

Довольно забавно выглядят обвинения Чугрова в адрес СССР. Он пишет: «В советское время исследования менталитета находились под запретом, так как вступали в противоречие с идеологическими догматами о всеилии человеческого разума» (с. 50). Понятно, сейчас предпочтительнее говорить о «всеилии божественного разума». Возможно, это и так, тем более что бессилие «человеческого разума» демонстрирует сам Чугров.

Абзацем выше этот ученый муж пишет, что русские ученые и в XIX, и в начале XX века тоже не употребляли слово «менталитет», а писали о «душе» и «народном духе». Означает ли это, что тема «менталитета» при царизме была запрещена? Но если «менталитет» и «душа» одно и то же, а темы «души» и «народного духа» не были запрещены в советское время, то обоснованно ли обвинение в запрете? Этот господин, видимо, рассчитывая на полных идиотов, пишет, что только «с конца 1980-х годов страна стала открытой для реального международного сотрудничества ученых» (с.50). И это пишет человек, который длительное время, работая в ИМЭМО АН СССР, мог воочию наблюдать, насколько часто сотрудники этого института (точно так же, как и других аналогичных институтов) выезжали на международные конференции в любую точку земного шара.

У таких «ученых», вроде нашего мудреца, уже просто мания: ни Маркс, ни Советский Союз к его «менталитету» никакого отношения не имели, но «невозможно не лягнуть». Это еще один признак лжеучености.

А теперь посмотрим, что Чугров наисследовал в отношении «менталитета».

Этот господин взял на себя задачу определить понятие «внешнеполитический менталитет». Надо иметь в виду, что в науке, если кто-то пытается перевести некое слово или термин на уровень понятия, он фактически вскрывает суть явления, отраженного в понятии. Это очень сложная вещь, требующая не только понимания самого явления, но и владения методологическими приемами обозначения этого явления в понятии или категории. Последнее требует основательной философской подготовки вообще и знания диалектики в частности. Иначе вместо формулировки понятия получится просто объяснение своего личного понимания термина или слова. В некоторых случаях это тоже неплохо. Чугров, естественно, такой подготовки не имеет, и диалектику учил он «не по Гегелю». Если вообще учил. Тем не менее взялся за раскрытие «понятия».

Поначалу он как бы захотел показать «историю вопроса». Это всегда важно - разъяснить читателям, что и кем сделано в той области, которую ты затронул. Причем это делается для того, чтобы показать: многие занимались, скажем, тем же «менталитетом», но у них ничего не получилось. Поэтому я взялся для того, чтобы показать, «как надо». Если же у предшественников «получилось», тогда нет смысла огород городить. Но раз пишу, значит, у предшественников не получилось или их надо серьезно уточнять. И такое бывает.

Оказывается, названной темой занимались чуть ли не все ученые, начиная с первой половины XIX века. Не все, дескать, употребляли это слово (кто «душа», кто «дух», кто «видение мира»), но все имели в виду «менталитет». Дошло до того, что довольно известная книга Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление», которую господин Чугров явно не держал в руках, но сослался на нее, у него обозначена как «Первобытный менталитет». И оказывается, Леви-Брюль внес «неоценимый вклад в разработку понятия “менталитет”». (Правда, эту ахинею Чугров, скорее всего, списал из статьи других авторов, помещенной в Интернете. Такое ощущение, что «всю историю вопроса» он списал у них[1].) Поскольку эту книгу когда-то мне пришлось прочитать, знаю точно, что в ней ни разу не употреблено данное слово. То есть Чугров, чтобы придать значимость теме исследования, начинает приписывать разработку темы как можно большему

количеству ученых, многие из которых весьма бы удивились, узнав о своих «изысканиях». Это обыкновенное мелкое жульничество, свойственное многим «при науке».

Далее автор пересказывает определения «менталитета» из различных словарей и справочников. Не все они его устраивают из-за некоторых нюансов. Чугров, чтобы никого не обидеть, вежливо их уточняет. В отношении своих буржуазных соратников он весьма обходителен; как-никак из одной стаи. Поэтому он так скромно уточняет: «Скорее, «менталитет» – это совокупность, более того, система образов, обобщений и представлений. ...Справедливо рассматривать менталитет еще шире - как системно-структурное мировидение в облике образов мира» (с. 52). «В облике образов мира» – это, конечно, звучит красиво. По сути же, наш мудрец, не понимает, что если бы наше мировидение строилось на основе «образов мира» (а это есть чувственная, первоначальная фаза познания), мы бы до сих пор бегали с дубинками за мамонтами, будь оно, это мировидение, и соответственно, «менталитет», хоть системным, хоть структурным.

Я сейчас даже не собираюсь подвергать анализу определение Чугрова с позиции диалектики (ее нет в принципе), а рассматриваю его с формально логической точки зрения. Здесь мы видим очевидную номинальную форму определения классификационного типа. То есть попытку определить субъект (то, что определяется) через предикат (то, через что определяется). В подобных случаях обычно субъект определяется через род и/или вид. Для таких определений есть некоторые правила. Одно из них – запрет порочного круга: в явном определении запрещается субъект определять через предикат, который, в свою очередь, до этого был определен через субъект. Еще одно правило - правило однозначности: в пределах определенной теории каждому предикату должен соответствовать только один-единственный субъект (но не наоборот). Это известные вещи, зафиксированные в Философской энциклопедии советского издания[2].

Наш философ, до того как выдать свое определение, доказывал, что когда предыдущие ученые писали о душе, о духе, о мировидении (т.е. о том, что Чугров назвал «системой образов, обобщений и представлений»), все они имели в виду именно «менталитет». Таким образом, у Чугрова «менталитет» определяется через «менталитет». Нарушено первое правило. Всяческие нюансы не имеют значения. К слову же «мировидение» можно прикрепить, что угодно, помимо

«менталитета», тем самым нарушается и второе правило логики в определениях. Ныне модные слова «система», «системно-структурное» ничего не меняют, поскольку наш философ так нам и не объяснил, к какому роду явлений относится термин «менталитет» и какое его видовое различие в рамках некоего рода явлений. Он так же, как и десятки до него, дал описание, а не определение, ведущее к понятию. Если бы этот ученый знал логические операции в цепочке явлений «единичное-особенное-всеобщее», он мог бы четко научным языком дать отличие «менталитета» от «ментальности». Но для Чугрова это невозможно, поскольку он сам четко не понимает разницы между сознанием и мышлением, как и того, что само сознание формируется в том числе и на базе бессознательного. Например, биологи и психологи вычислили, что на бессознательном уровне в секунду обрабатывается бит информации, в то время как на сознательном уровне – бит информации. Отделить их друг от друга невозможно, т.к. это процесс одновременный.

Перейдем, однако, к главной идее Чугрова, которая, на его взгляд, вносит новые подходы «к изучению общего склада политического сознания и его динамики» (в скобках отметим, что «менталитет», таким образом, у него относится все-таки к роду «сознание», т.е. к психологии).

И вот его определение данного «понятия»: «Внешнесполитический менталитет – это та часть глубинного коллективного самосознания и самоощущения членов общества, которая включает в себя свойственное им коллективное бессознательное в виде специфических архетипов и врожденных образов и выражается в особом политическом мировосприятии, основанном на долгоживущих, устойчивых самоидентификациях по отношению к иным социокультурным и национально-этническим группам; это часть самосознания и самоощущения общества, которая относится к проблематике международных отношений и, в частности, к политической самоидентификации по отношению к окружающему миру» (с. 56). – Ух! Фраза прямо для Задорнова.

Этот студиоз полагает, что он дал определение. Пытаясь сформулировать некое понятие, относящееся к сфере внешней политики и международных отношений, автор «определяет» его через терминологию других наук – психологию (самосознание, самоощущение, бессознательное, восприятие) и социологию (самоидентификация, политическое мировосприятие), вернее, даже не

определяет, а описывает с помощью слов других наук. Поскольку он сам не понял, что нагородил, именно в этой части и обнаруживается больше всего словесного бреда типа «аномии», «ретриты» и прочие «артриты».

Этот доктор-профессор не понимает, что если ты даешь определение важному понятию, ты не просто должен четко определить сферу его применения (если это понятие не универсально, каковыми являются некоторые понятия и категории философии), но и объяснить, какие другие понятия его породили и как оно вообще встроено в систему научного аппарата той науки, к которой оно приписывается волею ученого. И дело не в простой взаимозависимости между внешнеполитическим «менталитетом» и внешней политикой, а в том, в каком звене внешнеполитического процесса необходим анализ такого «инструмента», как внешнеполитический «менталитет».

Ведь автору, коль он такой приверженец западной политической мысли, должны быть известны такие подразделения теории внешней политики и международных отношений, как «имиджинология» (наука об образах) и «перцепциология» (наука о восприятиях). Уж по крайней мере книгу своего бывшего коллеги по журналу «Мировая экономика и международные отношения» Л.А. Зака («Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы». М., 1976) господин Чугров должен был бы знать. В рамках этих областей знаний тоже немало говорится о «внешнеполитических представлениях и образах», в частности в процессе принятия внешнеполитических решений. В принципе весь «менталитет» Чугрова достаточно детально описан в рамках названных «наук».

На самом деле Чугров ничего нового своим «менталитетом» не сказал, а просто, как и подобные ему «ученые», заменил простые и очевидные термины на модные, как ему кажется, новые словечки, усложнив их методологическим и терминологическим аппаратом, создающим иллюзию «науки». Причем делает это он не сознательно, а всерьез, действительно полагая, что вносит нечто новое в науку. То есть даже сам не соображает, что его изыскания к науке не имеют никакого отношения.

На самом деле Чугров и ему подобные не могут внести в науку ничего нового не только вследствие тех причин, о которых сказано выше, но и из-за философской безграмотности, о чем свидетельствует и такой факт, как неспособность

отличить категорию от понятия. У него «внешнеполитический менталитет» в одном месте - категория, в другом - понятие и так без конца. Причем, конечно, он, как и Николай II, вещает только от имени «мы». Получается, что целая компания писала эту статью, и следовательно, целая компания не понимает разницы между категориями и понятиями, закономерности перехода одного в другое и наоборот.

Это проявляется и в совершенно беспомощных рассуждениях о «“мы” – группа и “они” – группа». Чугров дает высокую оценку некоему У. Самнеру, работа (1906) которого, по его мнению, до сих пор не потеряла своей актуальности. Оказывается, до сих пор актуальна вот такая мысль: «Самосознание не дано нам априорно». Думаю, если бы эти «мы»-чугровы покопались в работах философов, живших за несколько тысяч лет до Самнера, то обнаружили бы аналогичную гениальную мысль. Предполагаю, правда, что даже в те времена она вряд ли бы показалась «актуальной». Но интересно другое. Чугров ссылается на такой великий авторитет, как Т. Алексеева, которая (цитирует он) утверждает, что «противопоставление своего/чужого, в сущности, носит субъективный характер и основывается на оценке, перцепции ‘чужого’» (с.60). Татьяна, неужели ты до этого дошла? Ну ладно писатель У. Эко, на которого ссылается Чугров, мог написать такую ахинею. На то он и писатель. Но как ты, профессор, доктор философских и прочих наук, можешь публиковать подобное утверждение? Субъективно я могу относиться к тебе или к целым народам. Точно так же, как и Вася с Петей или Джон с Питером. Причем Васе нравятся китайцы, а тебе, например, американцы. Это субъективно. Но когда речь идет об отношении всей нации к другой нации, то здесь субъективность уступает объективности. Например, как бы ты, Чугров и ваши соратники хорошо ни относились к США, очевидно, что большинство русских относятся к ним плохо. И их «перцепция», скорее всего, будет определяться некими объективными факторами, точно так же, как определялось отношение русских ко всей фашистской Германии. «Перцепция», между прочим, до войны была неплохая, а военная и послевоенная практика эту «перцепцию» подправила. Неужели забыли, что все «перцепции» в конечном счете отражают общественную практику, которая не может быть общественно субъективна по определению? Отказавшись от «наивного марксизма», вы попали в трясины безмозглого либерализма.

Развивая эту неверную мысль, Чугров продолжает: «Мы самоутверждаемся благодаря признанию нашей индивидуальности другими. Более того, наша идентичность складывается из характеристик, которые дают другие» (с. 60). Очередная глупость, навеянная изысканиями буржуазных социологов. Это воспроизводство философского идеализма уже в форме современного идиотизма в социологии, наказание за отход от диалектического материализма. Эта глупость разбивается даже одним из популярных афоризмов: «Человек - это то, что он сам думает о себе; то, что о нем думают другие, и то, что он есть на самом деле». На всякий случай разъясню афоризм: субъективно то, что человек думает о себе или что о нем думают другие; объективно - это то, что он есть «на самом деле». А истина всегда объективна. Последнее от «думаний» не зависит. Точно так же можно рассуждать о государстве.

Но, судя по словам господина Чугрова, которые я процитировал, он думает иначе. Тогда ему придется принять мою характеристику его личности, которую я дам в конце этой статьи. Может быть, тогда он и поймет свою «идентичность».

В качестве примера доминирования в России лжеученых я мог бы взять любую статью из любого обществоведческого журнала. Но выбрал статью Чугрова не случайно. Этого нынешнего доктора я знаю с советских времен, когда он занимал должность заместителя главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения», в те времена очень влиятельного журнала среди международников. В 1987 г. я предложил в этот журнал статью с критикой «нового мышления», прежде всего одного из главных его постулатов о «деидеологизации» внешней политики, которую возвестил разрушитель Советского Союза «демократ» Горбачев. Тогда, возможно, еще на интуитивном уровне я чувствовал, что отказ от идеологии приведет к краху внешнюю политику СССР, а затем и самого советского государства. К сожалению, так и произошло. Но Чугров и другой заместитель главного редактора (И. Целищев) оказались «на высоте»: спровоцировав обсуждение статьи на дирекции Института (а не на редколлегии журнала), поскольку сами решение поначалу принять не могли, они «зарубили статью», указав, что она противоречит идеям «нового мышления», изложенным в партийных документах, в частности в документах апрельского Пленума ЦК КПСС. Тогда господин Чугров был еще товарищ Чугров и неукоснительно следовал решениям партийных съездов. Не только. Он всегда был обходительным человеком, уважал начальство и всегда стоял на страже

науки: никаких отклонений от партийной линии. После разрушения СССР товарищ Чугров, как и многие другие его коллеги по ИМЭМО, стали господами и теперь, наоборот, ту партийную линию критиковать разрешают, а нынешнюю - нет. Чугров в ряде своих статей уже с «новых позиций» расхваливал курс МИД РФ и мудрую деятельность самих министров иностранных дел (И. Иванова, само собой, и бывшего своего начальника Е. Примакова). Не имеет значения, что внешнеполитический курс и Примакова, и Иванова оказался безрезультатным, но Чугров успел прогнуться. Уникальное свойство у этого человека: всегда успеваешь прогнуться. Может быть, он вообще не разгибается? И это дает плоды. Умудрился занять пост в МГИМО в качестве заведующего какой-то кафедры. В конце концов он даже защитил докторскую диссертацию. Ему делает честь, что диссертацию, в отличие от многих политиков и бизнесменов, он варганил сам, пусть как минимум лет двадцать, но сам. Говорят, жутко умная диссертация. И вот новая награда: назначили главным редактором журнала «Полис». Я не очень регулярно следил за этим журналом. Некоторые говорили, что журнал неплохой. Теперь, когда его начальником стал такой «ученый» и лизоблюд, как господин Чугров, думаю, его качество должно улучшиться на порядки. То есть еще больше соответствовать «новому мышлению» российских буржуазных ученых. Между прочим, когда я предложил ему статью о религии, он, зная мой атеизм, тут же заявил, что такие статьи он (журнал) публиковать не будет. Это и понятно. Если нынешний президент и его преемник публично крестятся, и даже президент РАН, физик Осипов верит в бога, то какие же могут быть статьи, направленные против религии. Вот если бы статейку, где говорится о взаимодополняемости науки и религии, тогда другое дело.

Если такой ученый является главным редактором научного журнала, можно представить, какие статьи будут отбираться. Статьи таких же «ученых», как и сам Чугров. Думаю, что недостатка в статьях не будет: подобных «ученых» сейчас в России «тмы и тмы».

А теперь обещанная характеристика «идентичности» господина Чугрова в полном соответствии с его терминологией: Чугров – индивид изоморфического типа деструктивной части российской науки, с очевидной казуальной зависимостью от буржуазного паттерна в дизвительной России, но сохраняющий существенную ригидность из-за отсутствия конативного ретритизма.

В переводе на русский язык все это означает, что человек по фамилии Чугров есть представитель лизоблудствующей части общественной науки России, деятельность которого направлена на уничтожение науки и укрепление лженауки.

Трагедия российской науки – в том, что ею командуют вот такие больные «менталитеты».

Кстати, чтобы не мучались с этим «менталитетом». Предлагаю поменять его на нормальное русское слово – умострой, который является национальной формой русского мышления. И сформулировать, если уж очень надо для «инструментария», внешнеполитический умострой как представление нации о мире и о себе. Вот и все.

[1] См.: Лев Пушкарев, Наталья Пушкарева. Ментальность (Менталитет). – <http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm>

[2] К слову. О «Философской энциклопедии», изданной при капитализме в 2004 г., даже страшно говорить. Она явно написана чугровыми. Например, «мышление» определяется, «как направленный процесс переработки информации в когнитивной системе живых существ». Поскольку многие русские «философы» и «мудрецы» «живыми существами» называют даже вселенную, то следует признать, что все что ни есть под луной, точнее, во всей вселенной, все оно «мыслит». Уровень мышления 5-тысячелетней давности.

Олег Арин
21.12.2007

Комментарии

Oleg Arin пишет:

24.12.2007 в 18:17

Уважаемый Александр,

Я не являюсь профессиональным филологом, хотя и люблю читать книги по лингвистике. И они (филологи-лингвисты) действительно правы, когда говорят о различии смысловых нагрузок. В этом-то и проблема: иностранные слова внедряются в российский язык со смысловыми нагрузками, не имеющими отношения к российской реальности. Но надо иметь в виду, что языковая агрессия предшествует идущей за ней культурной агрессией, а затем экономической и политической. СССР погубил не военный потенциал США, а джаз, джинсы и кока-кола. Все действительно не так просто. Именно поэтому, например, те же французы находят собственные эквиваленты даже такому слову как компьютер (по фр. – ординатёр/ordinateur/), в конечном счете для того, чтобы заблокировать влияние американской культуры, которую они рассматривают как варварскую. А в науке советую обратить внимание: чем крупнее ученый, тем реже у него можно встретить «дискурсы» и «паттерны». А у совсем крупных таких слов вообще нет.

Насчет Горянина. Во-первых, среди моих московских знакомых (не говоря уже о друзьях в провинциях) ни один не читал этой книги и не слышал фамилию автора. Во-вторых, такого типа книг я знаю несколько десятков (а ныне вся пропаганда работает в таком ключе). И в-третьих, в научном плане я действительно в другом «мире» и Россией пока занимаюсь весьма эпизодически. Тем более что она не является актуальной темой внутри социальных и политических движений в Европе (Западной).

Спасибо за комментарий

[Александр пишет:](#)

25.12.2007 в 02:36

Здравствуйтесь, Олег Алексеевич!

Огромное спасибо за ответ на мой комментарий. У меня возник вопрос такого плана: как тогда относиться ко всей постмодернистской философии и социологии? Существует знаменитая постмодернистская энциклопедия - очень увесистая книга, весьма нестандартного формата, объемом более 1000 страниц, изданная в Минске. Вся она изобилует этими «дискурсами», «симулякрами», «паттернами». Можно было бы к ней отнестись не столь серьезно, да вот составлена она достаточно известными учёными Белорусского Государственного Университета. Это ВУЗ, который являлся одним из самых престижных в масштабах всего СССР. Вы как-то сами признавали, что Беларусь развивается лучше, чем России. И это действительно так: в различных рейтингах уровня жизни западные соседи располагаются выше нас. Конечно, у них пониже, чем у нас ВВП на душу населения, но этот показатель не всегда оказывает решающее и достаточное влияние на уровень жизни.

Наверняка, и с наукой в этой стране дела обстоят лучше, чем в России. Мало того, это одна из тех немногих республик бывшего СССР, где прекрасно себя чувствует и поживает русский язык. Поэтому естественно ни о каком переводе речи не идёт - энциклопедия изначально написана в оригинале (т.е. на русском языке).

Меня интересовала постмодернистская философия, но после ваших очерков у меня уже возникают сомнения по поводу её актуальности.

Олег Арин пишет:

25.12.2007 в 06:10

Уважаемый Александр,

Я не могу серьезно рассматривать «постмодернистскую философию» в качестве философии. После Гегеля трудно быть философом. В качестве таковых я не рассматриваю ни Ницше, ни Ясперса с Хайдеггером, не говоря уже о французских экзистенциалистах типа Камю или Сартра. Из 13 тысяч членов Ассоциации философии США я затруднился бы назвать хоть одного в качестве философа (все это всего лишь доктора философских наук, которых пруд пруди повсюду). Европейских я знаю хуже, потому что несколько раз брался за чтение их работ, но быстро бросал. (Может быть, интересен Люсьен Сэв, но только как политический философ.) Естественно, многих я не знаю. Возможно, среди них есть такие, которые размышляют над онтологическими проблемами бытия. Но мне они пока не попадались. Социологию я вообще не рассматриваю как науку. Это сфера знаний, относящаяся к обществоведению (наряду с политологией) как одно из его подразделений. Как ни странно, ее основатель – Огюст Конт – был значительно выше своих последователей. Однако не случайно Маркс с Энгельсом довольно скептически относились к нему и его «социологии».

При всем положительном моем отношении к Белоруссии я сильно сомневаюсь, что там развивается наука. За русский язык, как говорится, спасибо. Если бы Вы назвали хотя бы одно выдающееся белорусское имя в науке (то есть человека, открывшего закон или закономерность в области философии или общественной науки), я был бы Вам очень признателен. Конечно, я не имею в виду имена каких-нибудь академиков или что-то в этом роде.

Спасибо.

Александр пишет:

26.12.2007 в 01:48

Здравствуйте, Олег Алексеевич!

Спасибо за ответы на мои вопросы, теперь у меня уже не осталось никаких сомнений.

Ждём от вас новых обещанных работ и с наступающим вас Новым Годом!